Я отвернулся от света и продолжил выпивать. К счастью, сегодня я спокойно мог этим заняться. В подобных ситуациях лучший способ оправиться – не сопротивляться эмоциям, а с головой нырнуть в собственное отчаяние и жалость к себе.

Знакомая мне квартира стала выглядеть несколько по-другому.

Проникающая через окно луна, заливающая комнату синим светом, дуновения летнего ночного ветерка и сидящая в углу, словно часовая, Мияги. Из-за всего этого квартира казалась куда более жуткой, чем обычно.

Закралось ощущение, что я стою на сцене за кулисами. А как только я выйду из-за них, настанет черед моего выступления.

Неожиданно я почувствовал, что на что-то способен. Хотя в пьяном уме я просто позабыл о своей бездарности, приняв это ощущение за какие-то внутренние изменения.

Повернувшись к Мияги, я гордо произнес:

- За эти последние три месяца с 300-ми тысячами иен я собираюсь что-нибудь да изменить!

Я допил последнюю банку пива и ударил ею по столу.

Мияги это не впечатлило. Она лишь подняла голову на пару сантиметров, произнесла: "А?". И вновь перевела взгляд на тетрадь.

Не обратив внимания, я продолжил:

- Чертовски мало, но это моя жизнь! Буду из кожи вон лезть, чтобы вернуться в этот мир!

Однако Мияги оказалась к этому безразлична:

- Все так говорят.

Обхватив руками колени, девушка уперлась в них подбородком.

- За время работы я слышала подобные заявления, по крайней мере, раз пять. На грани смерти все впадают в крайности. Особенно те, кто не могут сказать, что прожили полноценную жизнь. По тому же принципу, по какому проигравшие игроки всё больше и больше надеются на нереальный поворот событий, проигравшие в жизни уповают на несбыточное счастье. Многие ощущают прилив новых сил. Близость к смерти кажется им искрой в жизни. Эти люди думают, что способны на что угодно. Но этим лишь допускают критическую ошибку. Они только встали

на старт и обрели спокойствие после долгой проигрышной серии. Наивные убеждения, что это шанс всё изменить, ничего хорошего им не приносят. Так что, пожалуйста, господин Кусуноки, обдумайте ситуацию с этой стороны. Причина, почему ваши оставшиеся тридцать лет были настолько лишены ценности, в том, что за те годы вы ничего не сделали. Вы же понимаете это? – напомнила мне Мияги в резкой форме. – Что может тут сделать человек, который ничего не достиг за тридцать лет и три месяца?

- Не попробуешь, не узнаешь, – возразил я.

Но даже для меня стало ненавистным то, как неискренно прозвучали мои слова. Мне не нужно было что-то пытаться понять. Мияги попала прямо в точку.

- Многим разумнее искать удовольствие в вещах попроще, более обычных, — сказала Мияги. — Вернуться не получится. Попросту трех месяцев слишком мало, чтобы что-то менять. Стоит сказать, что это и достаточно много для бездействия. Согласитесь, умнее копить маленькие однозначные радости. Рассчитывая лишь на победу, вы проиграете. Но разочаруетесь меньше, если сможете разглядеть победу в поражении.

- Ладно, понял. Ты права. Хватит уже логических схем, – кивнул я. Не будь я пьян, быть может, попробовал бы подыскать аргумент и поспорить. Но сейчас у меня не было на это сил.

- Уверен, я из тех, не понимающих собственной бесполезности, людей... Тогда, ммм, можешь рассказать обо всем, что случится? Как я провел эти тридцать лет? Возможно, услышав об этом, я перестану без единой на то причины уповать.

На какое-то время Мияги замолчала. Она заговорила таким голосом, словно уступила мне.

- Наверное, лучше вам узнать об этом сейчас... Напоминаю, не стоит отчаиваться из-за сказанного далее. Я лишь знаю возможности событий. Но теперь они никогда не произойдут.

- Знаю. Типа, просто хотелось узнать, как я там буду... Что бы ты там не говорила, с катушек я не слечу. Только когда совсем выбора не останется.

- Надеюсь, до этого в итоге не дойдет, – сказала Мияги.

Раздался похожий на землетрясение звук. Словно огромная башня рухнула. Чтобы узнать фейерверки, мне понадобилось какое-то время. Я ведь не видел их уже много лет.

Я не смотрел на них за едой из киоска. Не смотрел, держась за руку с девушкой и поглядывая то на нее, то на салют. Я всегда наблюдал за ними из окна.

Только я научился принимать собственные решения, как стал изгоем в обществе, который избегает места скопления людей. Пребывание в таких местах казалось мне ошибкой. А от

мысли встретить там кого-нибудь знакомого я трусил.

В начальной школе, пока меня не заставляли, я никогда не ходил ни в парк, ни в бассейн, ни на холмы за школой, ни в торговый район, ни на летний фестиваль, ни смотреть фейерверки.

Даже в старшей школе, ходя по городу, я никогда не приближался к благоприятным местам и старался, как мог, избегать главных улиц.

На самом деле я был очень юн, когда в последний раз смотрел на запуск фейерверков.

Хочется еще сказать, что тогда со мной была Химено.

Я уже и позабыл, как вблизи выглядит большой салют. И забыл, как он шумит на расстоянии.

Каков запах пороха? Сколько дыма остается в небе? С какими выражениями люди смотрят на фейерверки?

Если размышлять над каждой деталью в таком духе, то становится очевидно, что я ничего не знаю о салютах.

У меня появилось желание выглянуть в окно. Но мне показалось, что это будет выглядеть жалко, пока Мияги наблюдает за мной. Поступи я так, вероятно, она скажет что-то в роде: "Если хотите посмотреть на салют, почему бы не выйти и не посмотреть?"

Что тогда мне ответить? Сказать, что я слишком робок по отношению к чужому вниманию ко мне? С чего я должен волноваться по поводу того, как меня видят со стороны? У меня ведь осталось так мало времени.

Будто посмеявшись надо мной, борющимся со своим желанием, Мияги пробежала возле меня, открыла жалюзи, наклонилась в окно и стала наблюдать за тем, как вздымают в небо фейерверки.

Казалось, она не была тронута прекрасным зрелищем, а восхищалась видом чего-то необычного. В любом случае, Мияги выглядела заинтересованной.

- А можно ли вам смотреть за салютом, мисс-наблюдатель? Что вы будете делать, если я смоюсь?

Не отрывая взгляда от фейерверка, Мияги ответила сарказмом:

- Вы хотите, чтобы я наблюдала за вами?

- Не-не. Мне хочется, чтобы ты ушла поскорее, насколько возможно. Под твоим наблюдением сложно чем-либо заниматься.

- Правда? Возможно, почувствуете себя виноватым... В данном случае, если бы вы сбежали и отделились от меня на расстояние, то пришлось бы принять решение о том, что вы нарвались на неприятности, и прекратить вашу жизнь. Советую быть осторожнее.

- А какое расстояние?

- Точно не скажу, но метров сто.

Хотелось бы, чтобы она с этого и начала.

- Буду внимательнее, - ответил я ей.

Эхо в небе затихало. Похоже, зрелище подходило к своей кульминации.

Я понял, что и по соседству все затихло. Быть может, они отправились посмотреть на салют.

Наконец, Мияги завела рассказ о событиях моей жизни.

- Давайте о ваших потерянных тридцати годах... Во-первых, учеба в колледже пролетит в одно мгновение, - сказала девушка. - Оплачиваете счета, читаете книги, слушаете музыку, спите. Снова и снова. Постепенно становится невозможным отличить эти пустые дни один от другого. Время пролетит. Закончите колледж, так и ничему не научившись. По иронии попадете на ту работу, которую больше всего презирали, когда были переполнены надеждами. Знаете, тогда нужно было принять реальность. Но вас не отпускало чувство, что вы особенный. Вы продолжали верить, что не здесь ваше место, и никак не могли смириться с этим. Жили между домом и работой. С пустыми глазами каждый день трудились, стираясь в пыль. И не успели моргнуть, как уже проводили время за алкоголем. Убеждение о том, что вы однажды станете знаменитым, исчезло. И вы отстранились от детских фантазий.

- Не сказать, что это нечто необычное, - вклинился я.

- Безусловно, это так. Очень распространенная причина разочарования. Конечно же, степень страданий зависит от человека. Само собой, вы были таким, которому нужно быть лучше всех. За неимением возможности рассчитывать на кого-либо, вам лишь оставалось поддерживать свой мирок. А когда этот столп рухнул, вам стало так больно, что это сломило вас.

- Сломило? - переспросил я.

- Вы осознали, что подобрались к четвертому десятку. Вашим единственным увлечением стали

бесцельные поездки на мотоциклах. Сами знаете, опасное хобби. Особенно для тех, кто уже почти отказался от жизни... Когда вы столкнулись с чьей-то машиной, хорошо хоть не навредили другим людям. Только себе. Травмы оказались очень серьезными. Вы потеряли половину лица, большинство пальцев и возможность ходить.

Выражение “потерял половину лица” понять легко, а вот представить сложно.

Возможно, это было настолько ужасное зрелище, что, глядя на него, у людей возникала лишь единственная мысль: “Это когда-то было лицом”.

- Поскольку единственное, на что вы могли положиться, это ваша внешность, то у вас стали закрадываться мысли о крайней мере. Но этот шаг вы так и не смогли заставить себя сделать. Вы цеплялись за последний луч надежды. Полагая, что даже при таком раскладе произойдет что-нибудь хорошее. Несомненно, нельзя полностью этого отрицать, тем не менее, это лишь доказательство дьявола[1], своего рода. С этой сомнительной надеждой вы дожили до пятидесяти. В конечно счете умерли в одиночестве, потерпев крах и ничего не обретя. Никем не любимый, ни у кого не оставшийся в памяти. Сокрушаясь по поводу того, что все должно было случиться не так.

Странно.

Я с готовностью принял весь ее рассказ.

- Итак, что думаете?

- Ладно, что ж. В первую очередь, я рад, что продал все эти тридцать лет, - ответил я.

И это не возглас “мол, зелен виноград”. Как сказала Мияги, то лишь вероятности событий, которые больше никогда не произойдут.

- Черт, думаю, тогда было лучше продать все кроме трех дней.

- Ну, для этого еще есть время, - сказала Мияги. - У вас осталась возможность провести еще две сделки.

- И когда останется лишь три дня, ты уйдешь?

- Ага. Раз вы не переносите мое присутствие, то это, несомненно, вариант.

- Я запомню, - ответил я ей.

Честно говоря, так как я не надеялся на эти три месяца, оставить три дня казалось более изящным способом всё уладить.

Все же это доказательство дьявола. Меня останавливает надежда того, что нечто хорошее все-таки произойдет.

Грядущие три месяца и потерянные тридцать лет, о которых рассказала Мияги, совершенно отличаются. Будущее не предопределено.

Потому может случиться что-нибудь хорошее. Или произойдет событие, которое заставит меня радоваться жизни.

Шанс не нулевой. Если думать в таком ключе, то мне рано еще умирать.

Посреди ночи я проснулся из-за дождя. Капли, не прекращая, барабанили по сломанному водостоку. Я посмотрел на часы. Три утра.

Комнату заполнил приятный аромат. Давно я не ощущал подобного. Спустя какое-то время я понял, что так пахнет женский шампунь.

Методом исключения, без сомнения, им пахнет от Мияги. Это навело меня на мысль, что она приняла ванную, пока я спал.

Мне трудно дался этот вывод. Хвастаться не хочу, но я очень чутко сплю. Можно сказать, просто дремлю. Меня будят даже самые тихие звуки, типа шороха газет или шагов сверху. Странно полагать, что Мияги принимала душ и ни разу меня не разбудила. Может, это из-за дождя.

Я решил отложить свои рассуждения. Необычное чувство, что девушка, с которой я только встретился, моется у меня дома. Так что я вообще перестал думать об этом.

Более того, еще спать и спать. Что ж, бывает, что просыпаешься в дождливую ночь.

Заснуть оказалось непросто. Как обычно, я обратился к музыке. Вставив в плеер один из непроданных дисков, "Please, Mr. Lostman", я начал слушать его в наушниках.

То лишь мое мнение, но у людей, которые слушают такое бессонными ночами, никогда не будет достойной жизни. Неудобный этому миру я использовал музыку как предлог, чтобы убежать от попыток с ним свыкнуться. Быть может, я до сих пор за это расплачивался.

---

[1] Доказательство дьявола - это логическая дилемма. Суть ее в следующем: в то время когда наличие доказательств может подтвердить факт, доказать отрицательный факт - невозможно.

Чтобы доказать, что дьявол существует, достаточно просто поймать и показать его. Это будет являться наглядным доказательством его существования. Но вот как доказать, что дьявола не существует? Никакие аргументы не будут являться достаточным доказательством - просто дьявол слишком хорошо прячется, поэтому его никто не может поймать!

Кстати, потому-то практически и невозможно ничего доказать людям, уже зомбированным какими-то лживыми измышлениями про теорию заговора и т.п.. Ведь они не желают ничего слушать, любых инакомыслящих считают врагами, а все чужие аргументы - ложью.

Авторы перевода - ННТ, Voiceover

<http://tl.rulate.ru/book/367/102937>